

цию» (Гуковский). Тем самым подготавливается нарастание метафорических сравнений, которым отмечена 2-я строфа. Первые ее пять стихов представляют собой анафорический ряд, однако в 1-м и 4-м стихах анафора внешне скрыта — благодаря инверсии организующий ее союз «как» передвигается в глубь стиха; в обоих случаях (типичный для Ломоносова параллелизм) он приходится на 2-й слог 2-й стопы. Это не разрушает самого принципа анафоры, однако ослабляет неотвратимость повтора, усиливая выразительность риторической фигуры. Она составляет первый член сравнения, второй частью которого является последний стих, вводимый союзом «так» и отмеченный семантическим сдвигом; будучи метафорой, он отбрасывает метафорическую тень и на предшествующие стихи. В 4, 5 и 6-й строфах семантические трансформации становятся наиболее заметными. Метафорическую атмосферу 4-й строфы, создаваемую в первую очередь 2, 3 и 4-м стихами, обостряет оксюморон 5-го стиха — «хладный пламень» и в какой-то степени оксюморонный образ, которым строфа завершается: «Се в ночь на землю день вступил!» 5-я строфа также отмечена нагнетанием тропов — метонимии и метафоры, — соединяющихся в первых двух стихах в одном образе: «О вы, которых быстрый зрак Пронзает в книгу вечных прав...». Кроме того, она сама по себе является перифразом, обозначающим ученых. Метафорическое начало отчетливо ощущается и в 6-й строфе, в частности в ее финале: «Как может быть, чтоб мерзлый пар Среди зимы рождал пожар?» Причем и здесь метафора сочетается с выражением, по научным представлениям Ломоносова, вполне точным, но в поэтическом контексте приобретающим привкус оксюморона — «мерзлый пар».

3-я и 7-я строфы, где выражена позиция «премудрых», ограниченность и в некоторых отношениях ошибочность которой раскрывается одой, подобной образной напряженности лишены. Конечно, тропы есть и там — например, в 3-й строфе, открывающейся метонимией — «Уста премудрых нам гласят» — но семантические сдвиги в них менее заметны. Это относится и к 8-й строфе, в которой ответы ученых как бы обобщаются сознанием одического поэта; и она отличается известной тропологической бедностью. Нарушения правил, связанные с «украшением» слова, действительно падают на, так сказать, «авторские» строфы; в них с наибольшей силой проявляет себя эмоциональная напряженность одического поэта, взволнованность его ума и сердца, что крайне обостряет его творческие возможности, проявляющиеся в «остроумном», то есть необычном, взгляде на вещи, который в языке осуществляет себя в виде семантических странностей. Они в связи с этим и оказываются прежде всего способом воплощения могучего и свободного авторского начала; они не делают оду непознаваемой, но свидетельствуют о творческом потенциале ее создателя.